Народному артисту СССР Михаилу Глузскому исполнилось 80 лет. Накануне мы встретились с ним.

Михаил ГЛУЗСКИЙ:

Труд. — 1998. — 24 нояб. — С. 6

Я НЕ ЗВЕЗДА, А РАБОЧАЯ ЛОШАДЬ

— Михаил Андреевич, чего вы больше получили от профессии актера: радости или горечи?

— Думаю, что радости было больше. Сниматься для меня почти всегда было радостью. Другой вопрос — результат, удавалась ли моя работа, картина в целом, спектакль... Ролей, запомнившихся зрителям и дорогих мне, гораздо меньше, чем сыгранных.

Несмотря на обилие ролей, я не так уж и много сделал настоящего. Сказалось, наверное, и то, что я лишь от случая к случаю работал в театре. С моей точки зрения, театр обогащает актера, шире раскрывает его индивидуальность, чем кинематограф, который в основном «потребляет» актера.

— Снимался на Свердловской киностудии у Ярополка Лапшина в роли 98-летнего старика. Так что, как видите, у меня еще есть перспектива. Играю человека, который фактически выстроил всю деревню, всех ее жителей знает с пеленок и продолжает жить. Картина называется «На полпути в Париж». Сценарий написал Геннадий Бокарев — автор нашумевшей когда-то пьесы «Сталевары». Жаль вот только, что съемки не удалось завершить из-за финансового кризиса в стране. Осенняя натура ушла, значит, придется ждать еще почти год. Но нет уверенности, что следующей осенью работа будет продолжена.

— И вот теперь вы основательно увязли в театре. Сейчас в Москве много говорят о последней премьере — «Чайке» в театре «Школа современной пьесы».

— Я играю Сорина, владельца усадьбы, человека, который по возрасту младше — ему всего шестьдесят, но на самом деле он старше меня. Он много говорит о болезнях, о том, что хочется пожить. Я же во всяком случае не чувствую себя ни шестидесятилетним, ни тем более восьмидесятилетним. А роль, по-моему, удалась. Может быть, она несколько иначе прочитана по сравнению с другими постановками, в ней больше трагедийности. Мой Сорин — человек, мечтавший о жизни в городе, о женитьбе, о литературе, но в результате оставшийся ни с чем, обреченный на одиночество, на унылую старость — да еще со множеством болячек. И вместе с тем: «Жить хочу, жить! — восклицает Сорин. — Жить, жить, жить...» Это в спектакле звучит, как заклинание.

— А как у вас складываются сейчас отношения с кинематографом?

— От случая к случаю — впрочем, как всю мою жизнь. Кому-то везло: приглашения следовали одно за другим. А моя жизнь в основном — в ожидании работы. Бывали, правда, и периоды, когда сразу накатывалось несколько хороших ролей. Мой «золотой год» — 1976-й: снялся в «Красном и черном» у Сергея Аполлинариевича Герасимова (аббат Пирар), у Александра Митты в фильме «Как царь Петр арапа женил» (шут Балакирев) и у Петра Тодоровского в «Последней жертве» (Прибытков). Вот за один год три такие разные, такие интересные роли. Но это все-таки исключение. Я никогда не был актером, который на длительное время планировал свою жизнь. Я снимался у очень многих режиссеров, в том числе у дебютантов, ставших впоследствии знаменитыми и благополучно забывшими меня. Но я не сержусь на них.

— Вы недавно вернулись со съемок?..

— Вы назвали самую "свежую" свою работу в кино. А до этого где снимались?

— В картине Олега Фомина «Мытарь» по сценарию Ивана Охлобыстина сыграл как бы Кашпировского, но Кашпировский все же попристойнее, — эдакого экстрасенса, который лечит от запоев. Довольно занятный тип получился. Кстати, эту роль выдвинули на «Нику», да еще в номинации «Главная мужская роль», хотя моя роль ну абсолютно не главная. Но, ей-Богу, занятная. Почти одновременно снимался в «Князе Юрии Долгоруком». Чуть раньше — в «Мужчине для молодой женщины». Вот последние мои подвиги...

— Почти все они были замечены и отмечены...

— Да, меня вдруг осыпали наградами. Самой большой неожиданностью было присуждение в прошлом году «Ники» за фильм «Мужчина для молодой женщины». Я не считаю себя звездой, я — рабочая лошадь. Я брался за самые разные роли, как правило, второго плана. Впрочем, было немало и главных — «Монолог», «Последняя жертва», «Почти смешная история»... И делал эти роли честно и в силу своих возможностей. Иногда получалось, иногда нет. «Ника» для меня была как признание того, что я сделал в кино за многие-многие годы.

— Ваша творческая судьба загадочна. Как так вышло, что вы, заявив о себе как отличный характерный актер еще до войны в фильме Пудовкина «Минин и Пожарский», вошли в «звездную» обойму лишь в 60-е годы?

— Я бы не сказал, что в «Минине и Пожарском» проявил себя ярко. Это чересчур. Да, был удачный эпизод, но удачу надо делить с гримером.

Я действительно очень медленно входил в кинематограф. Так уж сложилось. И не моя в том вина, что снимался много, но зачастую лишь в эпизодах с двумя-четырьмя фразами...

Почему не удалось тогда сыграть большую и достойную роль? Такое было время. В 40 — 50-е годы снималось мало фильмов, и в расцвете сил была огромная плеяда замечательных, признанных актеров. Потому каждый из нас, молодых, ощущал себя сверчком, который должен знать свой шесток.

— Вы в свое время очень много занимались общественной деятельностью...

— И занимаюсь — уже долгие годы в нашем московском Союзе кинематографистов, который возглавляет Валерий Ланской, являюсь председателем Комиссии ветеранов кино. И не потому, что это так уж мне нравится, просто некому отдать эту хлопотную должность — нет желающих. Наша комиссия занимается тем, что она худо-бедно, но помогает особенно нуждающимся. Время от времени нам удается достать для них путевки в санатории, устроить в больницы, сумеем деньги раздобыть — помогаем деньгами.

— Вы сыграли более сотни ролей в кино, десятки ролей в театре. Есть ли у вас заветная роль, о которой вы мечтаете, мечтали?

— Я ждал и все еще жду «мою» роль. Когда меня пригласили работать в театр «Школа современной пьесы», я поставил условие: следующая пьеса должна быть «про меня» — в том смысле, что мой персонаж является стержнем действия, драматургии. В общем, жду такую пьесу в театре. А пока играю то, что предлагают. В «Антигоне в Нью-Йорке», в других спектаклях. Пригласили в «Современнике» сыграть в инсценировке «Братьев Карамазовых» И жду, действительно жду «мою» роль.

— Многие актеры пишут прозу, мемуары...

— На этом поприще у меня хорошо: не пишу. Хотя есть что вспомнить. Может быть, напишу в стол что-нибудь — для детей, внуков, но публиковать не стану.

Вел беседу
Геннадий
БЕЛОСТОЦКИЙ.